КАТОРГА И ССЫЛКА

XX 29

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

6=N 55

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА 1929

Москва. Главл
«Мос

СОДЕРЖАНИЕ

Отдел I. Из истории революционного движения.

Стр.

С. Мстиславский. Из истории военного движения. «Офицерский» и «Боевой» Союзы 1906—1908 г.г. 7
Б. Н-ский. Из литературного наследства В. И. Засулич 32
С. Лившиц. Подпольные типографии 60-х, 70-х и 80-х гг. (Окончание) 44
В. Левицкий. Провокатор Абросимов 60
С. Архангельский. Крестьянские волнения в Семеновском уезде в 1825 г. 75
С. Гессен. Лунин и Пушкин 86

Мелочи прошлого

1) Письмо Д. Соловьева к С. Лешерн фон-Герцфельд. Сообщил Я. Д. Б. 95
2) О Льве Мирском. Сообщил Г. М. Кофф 96

Отдел II. Тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция.

В. И. Сухомлин. Из тюремных скитаний 99
П. П. Брюханов. Воспоминания о ссылке в Вятскую губернию в 1897—1900 г.г. 113
Н. Надельштейн. Бутырские очерки 132
Ф. Виноградов. Из жизни П. Ф. Якубовича в Кургане 143

Отдел III. Лики отошедших.

О. Трубникова-Буланова. Л. П. Буланов (Окончание) . . . 152
П. Васильев. В. П. Успенский 168
Л. С. И. Д. Дмитриев 178
Памяти Г. Н. Котова 181

Отдел IV. Библиография.

И. Ф. Рыбаков. М. Яворский. Нарісі з історіі революційної боротьби на Україні, т. II, ч. I; И. М. Картавцов. Восстание декабристов. Библиография; Ю. Бочаров. И. К. Михайлов. Четверть века подпольщика; Ю. Г. Оксман. П. В. Ан-

ненков. Литературные воспоминания; М. Клевенский. С. Я. Елпатьевский. Воспоминания. За 50 лет; Сергей Гессен. Библиографические заметки о декабристах в Большой Советской Энциклопедии; О. Меер. Список книг 185

Отдел V. Хроника.

Из жизни Общества.

Памяти Желябова 201
В секции по изучению революции 1905 г. 202
Касса Взаимопомощи за 1928 г. 204
Письмо в редакцию Н. Шаханова 207

К этому номеру приложены: I. Таблица портретов: Засулич, В. И.; Лешерн-фон-Герцфельд, С. А.; Успенский, В. П.; Дмитриев, И. Д. (стр. 32—33). II. Р. Мандельштам. «Революционное движение в России XVII—XIX в.в. Указатель литературы, вышедшей в 1927—1928 г.г.». Ред. Б. П. Козьмина (стр. 21—36).

Отд. I. Из истории революционного движения.

С. Мстиславский.

Из истории военного движения.

(По личным воспоминаниям).

«Офицерский» и «Боевой» Союзы 1906—1908 г.г.

Октябрьские «дни свободы» 1905 г. оказались для военного движения переломными. Под влиянием всеобщего в этот период нарушения конспирации, открытого митингования, открытых союзов и комитетов,—отрешился, в известной мере, от прежней обособленности своей и Всероссийский Союз военнослужащих [1]. Представители его стали (правда, с некоторой оглядкой, заматывая погоны платком, чтобы не было видно № полка) выступать на общественных собраниях, а левое крыло Союза установило связь с Советом Рабочих Депутатов. Но связь эта не перевела Союз на новые пути, уже по одному тому, что та двойственность движения интеллигентского и рабоче-крестьянского, которая отметилась еще во время гапоновщины и затем красной нитью шла через весь 1905 год, сказалась снова, со всей яркостью, в частности—в деятельности и Петроградского Совета. Опять повторилось то же, что в январе: масса собралась, масса сплотилась, масса требовала указаний, что делать. Тот же «проклятый» конкретный вопрос, на который интеллигенция (которой в Совете почтительнейше уступили первые, руководящие места) ответа дать не сумела. Агитационное значение Совета было огромно, практическое—близко к нулю. Не случайно во главе Совета оказался профессиональный говорун—Хрусталь-Носарь, которому в революции 1917 г., даже в февральский ее период, не нашлось никакого, даже минимальнейшего места в работе тогдашнего Совета. Петроградский Совет 1905 г. стал местом словопрений—трибуной, на которой создали себе известность некоторые имена. Но штабом движения,—тем, чем должен был быть Совет,—он стать не сумел, хотя именно штаб хотели видеть в нем, искали в нем рабочие массы.

[1] Об основании его и деятельности в 1905 г.—до октября—см. «Отрывки о пятом годе» («Каторга и Ссылка», 1928 г., № 2).

Б. Н-ский.

Из литературного наследства В. И. Засулич.

Печатаемые ниже статьи В. И. Засулич относятся к различным периодам ее литературно-политической деятельности, но в задачах, которые В. И. Засулич преследовала при их составлении, и даже в их темах есть кое-что общее: все они написаны для западно-европейской социалистической аудитории, которую автор хочет знакомить с некоторыми сторонами истории и практики революционного движения в России. Русскому читателю все они оставались до сего времени совершенно неизвестными.

Наиболее ранний по времени из печатаемых документов представляет из себя обращение В. И. Засулич «К немецким социалистам, собравшимся в Цюрихе 5 февраля» 1882 г. Это—одно из наиболее ранних выступлений В. И. Засулич в качестве заграничной представительницы Красного Креста партии «Народной Воли». Как известно, официальное постановление Центрального Управления этого Красного Креста о возложении соответствующих полномочий на В. И. Засулич и П. Л. Лаврова, опубликованное в № 8—9 «Народной Воли», датировано 20 января ст. ст., т.-е. 1 февраля 1882 г. Но фактическое соглашение состоялось значительно раньше, и уже в конце декабря н. ст. 1881 г. В. И. Засулич и П. Л. Лавровым было выпущено на русском и французском языках их первое заявление «От Заграничного Отдела Общества Красного Креста Народной Воли»[1]. Для истории деятельности этого Заграничного Отдела публикуемое теперь «обращение» В. И. Засулич к немецким социалистам представляет не малый интерес. Но еще больший интерес оно представляет для изучения истории отношений между русскими и немецкими социалистами той эпохи, ибо оно стоит в тесной связи с одним знаменательным эпизодом в жизни немецкой социал-демократической партии.

[1] О Заграничном Отделе Красного Креста «Народной Воли» см. в № 3 «Былого» за 1906 г., стр. 288—297; его первое воззвание от декабря 1881 г., из русских изданий, насколько мне известно, нигде напечатано не было (указание редакции «Былого» в названной выше статье о перепечатке его в «Вольном Слове» не правильно: в «Вольном Слове», в № 25 от 4 февраля 1882 г., стр. 5, имеется *упоминание* об этом воззвании, но его текста не дано); из иностранных изданий оно напечатано во многих социалистических и радикально-демократических газетах,—в парижском «Intransigeant» Рошфора (тогда официоз «Народной Воли»), в женевском «Précurseur» И. Ф. Беккера, в цюрихском «Social-Demokrat» и многих других).

Вера Ивановна Засулич

Софья Александровна Лешерн-фон-Герцфельд

Вячеслав Павлович Успенский

Иосиф Дмитриевич Дмитриев

10 декабря 1881 г. некоторые из социал-демократических депутатов германского рейхстага, во время обсуждения вопроса о возобновлении осадного положения, сделали заявления, резко расходившиеся с общей линией партии. В. Блос отмежевался от заграничного органа своей собственной партии,—от цюрихского «Социал-Демократа», а Газенклевер бросил двусмысленную фразу, которая могла быть истолкована—и, действительно, была так истолкована—как выпад против русских «нигилистов». Эти выступления вызвали бурю возмущения в партии, о степени остроты которого русский читатель может судить по письму Энгельса к Бернштейну от 25 января 1882 г.[1]. Главное острие этого возмущения вполне естественно было направлено против В. Блоса, которому и пришлось вскоре капитулировать и торжественно покаяться. Но довольно сурово партия осудила и Газенклевера. Цюрихский «Социал-Демократ» в № от 22 декабря 1881 г. в статье: «Noch einmal die Debatte über den Belagerungszustand» (ее автором был Э. Бернштейн) прочел суровую нотацию Газенклеверу и заявил, что если в существующей обстановке немецким социалистам порою приходится отказываться от публичных демонстраций солидарности с русскими социалистами, то ни в коем случае не допустимы выступления, которые могут быть истолкованы, как удар им в спину.

Нет никакого сомнения, что именно под свежим впечатлением от всех этих споров немецкими социал-демократами в Цюрихе и было принято решение устроить небольшую демонстрацию солидарности с русскими революционерами, хороший предлог для чего давало как раз в это время до них дошедшее первое обращение Заграничного Отдела Красного Креста партии «Народной Воли» (оно напечатано в том же № «Социал-Демократа» от 22 декабря 1881 г., в котором была напечатана и статья Э. Бернштейна о Газенклевере). Известную роль в этом деле, несомненно, сыграл и П. Б. Аксельрод, который тогда жил в Цюрихе и был близко знаком со всеми видными представителями немецкой социал-демократической колонии, а особенно с членами редакции «Социал-Демократа»: из обращения В. И. Засулич видно, что он был посредником в ее сношениях с немецкими социал-демократами Цюриха.

Собрание, которому адресовано обращение В. И. Засулич, действительно состоялось в назначенный день, и письмо В. И. Засулич на нем было оглашено; об этом мы узнаем из № 7 цюрихского «Социал-Демократа» от 9 февраля 1882 г., где полностью напечатано обращение В. И. Засулич[2]. Оригинал его, писанный рукой В. И. Засулич (на немецком языке), мне удалось найти в архиве тогдашнего редактора «Социал-Демократа», Эд. Бернштейна: сравнение его с напечатанным в газете текстом показывает, что редакцией в него были введены только мелкие стилистические и грамматические поправки,—в переводе, конечно, совершенно исчезающие.

Точное время составления второй из печатаемых статей установить не удается: даты под рукописью В. И. Засулич, с которой она здесь воспроизводится, не стоит, а появилась ли она в печати, выяснить мне не удалось. Но и по бумаге, на которой стоят водяные знаки английской фабрики («Brookleigh Fine»), и еще более по содержанию, можно с полною уверенностью время ее написания отнести к 1894—95 гг.,—периоду после переезда В. И. Засулич в Англию и до петербургской стачки 1896 г.: до своего переезда в Англию В. И. Засулич, жившая в Швейцарии и Франции, конечно, не пользовалась английской бумагой, да

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 303—304.

[2] Печатая это письмо, редакция «Социал-Демократа» снабдила его след. примечанием: «мы полагаем, что это письмо по различным причинам заслуживает того, чтобы партийные товарищи его прочли повсюду».

к тому же и в тексте статьи есть упоминание о голодном 1891—92 г., так что статья написана несомненно позднее; с другой стороны, если бы статья писалась после стачек 1896 г., то В. И. Засулич не могла бы о них не упомянуть, так как они прямо относятся к её теме, давая следующее звено к набрасываемой ею схеме наростания рабочего движения в России.

Статья эта представляет интерес главным образом в тех ее частях, которые посвящены характеристике России в первый год царствования Николая II. Для этого периода мы располагаем только весьма ограниченным количеством статей и заметок, исходящих от членов группы «Освобождения Труда»,— поскольку речь идет о политических их выступлениях. Статья В. И. Засулич заметно пополняет наши сведения о том, какою вырисовывалась тогдашняя Россия в представлениях этой группы, какие из приходящих оттуда известий ее членам казались наиболее многообещающими для будущих судеб русского революционного движения. Особенно в этом отношении характерны замечания о росте тяги петербургских рабочих к образованию, о наплыве учащихся в школы, о значении воскресных школ и вечерних классов. Если мы вспомним, что как раз в это время в воскресных школах рабочих районов Петербурга работал целый ряд учительниц, связанных с кружками с.-д. пропагандистов,—учительниц действительно превращающих порою свои школы в подготовительные классы революционной пропаганды,—мы поймем источник информации, питавший В. И. Засулич.

Из текста статьи ясно, что она предназначена для немецкого социалистического читателя; все примеры для сравнения В. И. Засулич берет из немецкой истории: Вартбургский праздник, Тугенбунд и т. д. — все эти эпизоды из истории национально-революционного движения немецкой интеллигенции второго и третьего десятилетия XIX века могли помочь пониманию статьи В. И. Засулич только немецким читателям. Для немецкого же читателя «Социал-Демократа» предназначены и заключительные строки статьи,—которые, впрочем, вообще очень верно отражают настроение, с которым русские социал-демократы тех лет смотрели на великую братскую партию в Германии. Содержание статьи не оставляет никаких сомнений в том, что она писалась в качестве предисловия к немецкому переводу известного «Надгробного слова Александру II», автором которого был В. И. Свитыч (впервые опубликовано в № 3 «Вестника Народной Воли»). Был ли такой перевод издан, мне установить, несмотря на ряд справок, не удалось. Многое говорит за то, что издание не осуществилось, а вместе с тем и предисловие В. И. Засулич не увидело света: В. И. Засулич не без оснований как-то говорила, что судьба была весьма немилостива к очень и очень многим ее статьям и статейкам. Здесь статья эта воспроизводится по подлинной рукописи (на русском языке) В. И. Засулич. недавно поступившей в русский социал-демократический архив в Берлине.

Последняя из публикуемых статей В. И. Засулич,—«Женщины в русском рабочем движении»,—напечатана в апреле 1901 г., в № 9 журнала «Gleichheit», органа женского социал-демократического движения Германии. Написана она, следовательно, в конце марта или начале апреля 1901 г., под свежим впечатлением первых известий о знаменитой демонстрации петербургских студентов и студенток на площади у Казанского собора. В. И. Засулич тогда жила в Мюнхене, входя в состав редакции только что загоревшейся «Искры». Вести о демонстрации и о вызванном ею возбуждении среди петербургских рабочих произвели большое впечатление на В. И. Засулич. Еще недавно настроенная довольно пессимистично,—да и вообще мало склонная легко отдаваться надеждам,—она в эти дни была в большом возбуждении. «Теперь один приезжий из Питера пишет,—писала она как раз в эти дни недели Г. В. Плеханову,—что у петербургских рабочих вся программа в настоящую минуту: «бить полицию». По моему, отличная программа»[1]. Отголоски этого под'ема,—хотя и в значительно более слабой степени,—чувствуются и в данной статье, написанной в форме письма (несемненно к Кларе Цеткин).

В более обстоятельных частных комментариях публикуемые статьи В. И. Засулич не нуждаются. Заголовки в них сохранены те, которыми они снабжены в оригиналах; только для второй из них, которая в рукописи не имеет никакого заголовка, мне пришлось таковое проставить от себя,—оно печатается взятым в прямые скобки. Перевод тех статей, которые дошли до нас только в немецком тексте, т.-е. «Обращения» 1882 г. и статьи из «Gleichheit»,—сделан А. М. Бургиной.

К немецким социалистам, собравшимся в Цюрихе 5 февраля.

Граждане!

Мой друг Аксельрод написал мне, что вы, уважаемые граждане, хотите устроить собрание, чтоб притти на помощь «Красному Кресту» в его задачах. Весть эта меня чрезвычайно обрадовала, и я спешу выразить вам, уважаемые граждане, мою глубокую благодарность.

Вы были первыми, которые откликнулись на призыв русских социалистов к Западной Европе о помощи бесчисленным жертвам деспотического и бесчеловечного русского правительства. Воззвание это не может быть вам, немецким социалистам, чуждо. Вы уже настолько хорошо знакомы с сущностью нашего движения и с ходом подобных движений вообще, чтоб знать, что сила социалистической, демократически-политической партии заключается не в деньгах,—их никогда не было в нашем движении в изобилии,—а в добровольной энергии ее членов, в симпатии лучших людей страны, в глухом общем недовольстве, в конспиративных навыках, наконец, которые наша партия приобрела в своей десятилетней борьбе. Свои денежные средства партия черпает главным образом из тех кругов, из которых заполняются ее ряды и из которых тысячи уходят в ссылку и тюрьмы. Среди них встречаются и состоятельные люди, но все же очень редко; огромное большинство же, напротив, богато только самопожертвованием и энергией и отдает борьбе свое последнее достояние, готовое в любую минуту, когда это потребуется, отдать ей и жизнь свою.

Среди этого бесчисленного и неисчерпаемого резерва партии, духовного пролетариата и постоянно растущих в крупных городах рабочих групп, имеется еще масса людей всех классов и сословий, которые с нетерпением ожидают конца так сильно напряженной ситуации, но которые слишком заняты своими собственными интересами и слишком эгоистичны и пассивны для того, чтобы принять

[1] «Группа Освобождения Труда» Сборник под редакцией Л. Г. Дейча, т. VI, стр. 184 (в этом сборнике цитируемое письмо напечатано среди писем осени 1897 г.,—но это явная ошибка издателя писем).

какое-либо участие в борьбе. Ибо каждый рубль, данный революционерам, может в лучшем случае быть поводом для полицейского надзора и потери заработка, часто же и для ссылки.

Не для борьбы требуют поддержки русские революционные социалисты: средства для борьбы они постоянно добывали себе сами и всегда сумеют и в дальнейшем получать их. Вы, вероятно, знаете, что положение тех партий, на симпатии которых могут опираться русские революционеры, везде слишком непрочно, и поддержка в борьбе повлечет за собой преследования со стороны врагов, которые повсюду тесно связаны друг с другом. Но помощь заключенным и ссыльным может быть, если даже не прямо, вернейшим способом содействия развитию русской социалистической партии. Не одно только сострадание, не только моральная обязанность заботиться о преследуемых товарищах заставляет революционную партию приходить на помощь находящимся в ссылке, но также строгий расчет, забота о близком дне. Каждому ясно, что уже недалек день, когда русский абсолютизм так или иначе исчезнет. За этим событием несомненно последует всеобщее движение, оживленная деятельность всех элементов общества. Тогда наша нарождающаяся буржуазия выступит на сцену и приложит все усилия к тому, чтоб обеспечить за собой плоды победы. Тогда социально-революционная партия будет нуждаться во всех силах, на которые она может рассчитывать, чтоб при помощи широкой агитации и пропаганды социалистических идей положить основание массовой организации крестьян и рабочих, чтоб тем самым с успехом противодействовать покушениям буржуазии.

Было бы крайне нерасчетливо со стороны партии, если бы она не захотела сделать все, что в ее силах, чтоб притти в теперешний ужасающий момент на помощь тем тысячам, которые томятся в ссылке, предоставив их в жертву голоду и холоду в северных ледяных пустынях. Без преувеличения можно сказать, что теперь в ссылке погибает цвет целого поколения. Я часто слышала о том, что в некоторых южнорусских городах, где неистовствовали Тотлебен, Панютин, Судейкин, не осталось буквально ни одной семьи, в которой хотя бы один член ее не пал бы жертвой абсолютизма. И кто эти жертвы? Это—лучшие ученики, которые закончили свое образование в местных школах и которые образовывали кружки для изучения и для пропаганды социальных наук среди рабочих и своих товарищей. Это—лучшие рабочие, порой самоучки, которые проповедывают лучшие идеи своего века. Это—сельские учительницы, которые раз'ясняют крестьянам их положение. Заброшенные на берега Ледовитого Океана, в тундры Сибири, и там, без всяких средств к существованию, без малейшей возможности существования, отданные во власть голода, произвола грубых чиновников,—они остаются все-таки верны убеждениям.

Во время короткого управления Лорис-Меликова из всех сил старались побудить ссыльных к подаче прошений о помиловании, в которых должна была проявиться хотя бы в малейшей степени тень раскаяния или обещания исправиться. Всякому, кто подавал такое прошение, сейчас же давалась свобода. И все же властям при всем старании удалось из всей массы несчастных только 20—30 человек вынудить подать такое прошение. Остальные остались непреклонными и не пожелали получить свободу ценой хотя бы и притворной измены своему знамени. На таких товарищах можно строить, они составят превосходное ядро для массовой социал-демократической организации в России, когда наступит возможность для таковой.

Помочь им пережить этот момент—обязанность всякого, кто стремится к торжеству социализма.

Немецкие социалисты, ваша дружеская готовность жертвовать для жертв ***вашей*** борьбы служит мне ручательством того, что вы меня поймете. Солидарность, которая об'единяет всех соратников великой борьбы за свободу и благополучие всех членов великой человеческой семьи, сделает и остальное.

С социалистическим приветом

Вера Засулич.

2 февраля, 82 г.

[Предисловие к «Надгробному слову Александру II».]

В «Надгробном слове Александру II» описывается жизнь заключенных в центральной тюрьме под Харьковом с конца 1878 по 1881 год. Но деятельность большинства обитателей описанных «одиночек» относится к первой половине 70-х г.г. Их постепенно свезли сюда после долгого предварительного заключения в других тюрьмах. По своей деятельности они в огромном большинстве принадлежали к самым ранним пропагандистам среди крестьян и рабочих. Дела Долгушина, Дьякова, московский процесс 50 и процесс 193, упоминаемые в рассказе,—все это первые попытки социалистической пропаганды в России, явившиеся в результате сильнейшего движения, охватившего тогда русскую учащуюся молодежь. Это возбужденное настроение учащейся молодежи было явлением того же рода, как движение немецкого студенчества времен Вартбургского праздника, Тугенбунда и Молодой Германии. Но идеи, усвоенные ими в этом возбужденном состоянии, были другие. До русских юношей доходили перед этим одни за другими слухи об Интернационале, о деятельности Лассаля, о парижской Коммуне. У них сложилось убеждение, что они выросли на счет народа, что они в долгу у него и обязаны отплатить ему за свое образование. Они и пошли уплачивать, пошли проповедывать народу социализм, правда, очень смутный, очень невыясненный для самих проповедников. И русская цензура и самая сила их возбуждения, не дозволявшая им спокойно подготовиться к деятельности, заставлявшая спешить расплатой, мешали ясности взглядов.

С представлением о русском революционном движении в Западной Европе неразрывно связано представление о политических убийствах, о так называемом «терроре». Гром этих дел впервые заставил Европу обратить внимание на русское движение. Но террор относится к позднейшему времени. Из обитателей центральной тюрьмы, о которых говорится в рассказе, только немногие обвинялись в вооруженном или невооруженном сопротивлении при аресте. Все же остальные не сделали ничего, ровно ничего такого, что запрещалось бы законами Швейцарии, Англии, Франции и даже Германии в те времена, когда с нее снимается «малое» осадное положение. Они только излагали как знали и умели то, что считали социализмом... читали рабочим книжки. При этом, наиболее распространенная в то время книжка «Хитрая механика» наверное не была бы запрещена нигде в Европе, за исключением разве Австрии времен Меттерниха. Это просто об'яснение действия косвенных налогов на народное потребление. И за распространение этого трактата о косвенных налогах людей наказывали многолетней каторгой, самым тяжким наказанием, существующим в русском уголовном кодексе, так как смертная казнь применяется у нас лишь к политическим преступникам. Самое зверское убийство с целью грабежа наказывается той же многолетней каторгой, отбываемой при этом не в одиночном, а в общем заключении.

Тяжелая доля выпала первым пионерам русского социализма. И не потому только, что тяжело было наказание. Самым тяжелым быть-может было то, что многие из них не принесли с собой в тюрьму ободряющего сознания, что они что-нибудь сделали, что не даром пропали их силы. В то время, когда эти 20-летние, мало подготовленные, неопытные люди начинали действовать, состояние русского рабочего класса было таково, что даже самым опытным, самым знающим людям пришлось бы несколько лет подождать осязательных результатов своей деятельности.

Тогда только что началось второе десятилетие после освобождения крестьян. Новые общественные условия, успевшие уже так сильно повлиять на настроение учащейся молодежи, еще не затронули психологии народных масс. В умственном и нравственном отношении освобожденное крестьянство было еще полно крепостного мрака. Немногим лучше обстояло дело и среди рабочих. Безграмотность даже в больших городах была почти повальная, и в народе еще не замечалось стремления к образованию. Много трудностей приходилось преодолеть первым пропагандистам лишь для того, чтобы подойти к рабочим, в которых были еще слишком живы воспоминания недавнего крепостного права. Последние никак не могли понять, с чего это барчатам, спокон века обращавшимся к рабочему люду с презрительным высокомерием, с бранью и зуботычиной, вдруг вздумалось заводить с ним добрые разговоры и читать ему книжки. На одной фабрике даже решили, что студенты, зазывающие к себе рабочих, хотят

их резать, анатомировать. Они слышали, что студенты-медики анатомируют трупы, вот и догадались, что тем должно быть трупов не хватило. Отсюда необходимость для пропагандистов скрывать от рабочих свое звание, разыгрывать роль, переодеваться в крестьянский костюм для того только, чтобы заговорить с ними, не возбуждая недоверия. Но для роли нужен особый талант, имевшийся лишь у некоторых. Для тайной деятельности нужна хорошая организация, выработавшаяся лишь впоследствии. Поэтому вначале лишь немногим удавалось действовать сколько-нибудь продолжительное время, а целые сотни попадали в тюрьму в первые же месяцы деятельности, унося в свои одиночные кельи печальное сознание, что почти ничего не сделали.

Но это было в сущности неверное сознание, и если каждый в отдельности сделал немного, то в общем движение того времени прошло далеко не бесследно. Во-первых, уже к концу 70-х годов постепенно исчезла трудность доступа в городскую рабочую среду людям, желающим поделиться с ней своими знаниями. Рабочие поверили добрым намерениям студентов. Понемногу, вместо предрассудка, внушавшего мысль об анатомировании, сложился противоположный предрассудок, будто каждый студент непременно желает добра рабочим и готов отстаивать их интересы. Это, конечно, неверно, и зараженное штреберским [карьеристским] духом студенчество 80-х годов совсем не заслуживало такого мнения. Но во всяком случае лед сломан между рабочими и людьми, могущими и желающими помочь им в выяснении их взглядов, и с этой стороны пропаганда социализма не может уже встретить никаких затруднений. Не прошла совершенно бесследно пропаганда даже в крестьянской среде. Мне лично приходилось слышать от людей, помогавших голодавшим в 91—92 годах, что застигнутые бедствием крестьяне вспоминали пропагандистов: — «Правду тогда люди говорили, что надо нам себя отстаивать, а то пропадешь, да тогда еще мы сыты были, глупы, не слушали их». Не бесследно прошло движение начала 70-х годов и для той части тогдашней молодежи, которая не была охвачена им достаточно сильно, чтобы взяться за опасную деятельность. Правительство ничего не делает у нас для народного образования. Из нашего миллиардного бюджета самая ничтожная доля достается министерству народного просвещения, да и та целиком уходит на средние и высшие школы. Все, что делается для народного образования, делается органами самоуправления, для которых расходы на школы не только не обязательны, а даже подозрительны в глазах администрации. Поэтому сторонникам народного образования в земских собраниях часто приходится вести упорную борьбу с его противниками. И тем не менее, несмотря на скудные бюджеты наших земств, дело народного образования за последние 20 лет сильно подвигается вперед. Не мало делается и частными людьми, устраивающими воскресные школы для взрослых, читальни, библиотеки для народа. Во мно-

гих из людей, с любовью занимающихся этим делом, сказывается слабый отблеск того же сознания долга перед трудящимся народом, который так ярко горел в юношах, о страданиях которых рассказывается в «Надгробном слове Александру II».

Длинное, длинное «*слово*» того же рода можно бы сказать и Александру III, быть-может подлиннее еще, чем его отцу. Центральная тюрьма, о которой идет речь, была уничтожена еще при Александре II, но на место ее при Александре III [встала] б. Шлиссельбургская крепость. Как видно из рассказа, заключенным в харьковской централке лишь за провинности, совершенные в самой тюрьме, запрещали на время переписку с родными. От заключенных в Шлиссельбургской крепости за 10—12 лет ни один отец, ни одна мать не имели никаких известий. Самым энергичным и высокопоставленным родителям удавалось лишь иногда после долгих хлопот получить от начальства краткое известие: «Ваш сын (или дочь) жив», и ни слова более.

Ужасные трагедии 80-х годов в Сибири: самоубийство наказанной розгами девушки и ее товарищей, казни в Якутске, где умирающих на постелях приносили под виселицы и на лежащих накидывали петли, облетели всю Европу. Движение среди образованной молодежи было раздавлено. Казалось, все затихло, все умерло. Но из мрачного царствования Александра III рабочая Россия вышла совсем иною, чем вступила в него. Еще в середине 70-х годов в Петербурге было не более полудюжины народных школ,—теперь их более трехсот, и они переполнены учащимися, и в них не хватает мест всем желающим учиться. Переполнены и земские школы в деревнях. Стремление к знанию, незаметное лет 15 тому, с небывалою силою охватило все слои русского трудящегося населения. После 12—14 часового рабочего дня, рабочие нередко за полночь зачитываются сообща какой-нибудь интересной книгой. Они составляют значительный процент абонентов в городских библиотеках, они следят за газетами. Рабочий наших больших промышленных центров стал европейцем. Мы убеждены, что образованию в России значительного ядра рабочей партии, по образцу западно-европейских, мешает уже не умственное состояние наших рабочих, а лишь страшный политический гнет, который необходимо прежде свергнуть. Снова начинает в последние годы оживать и русская образованная молодежь. Нельзя ожидать повторения того массового увлечения молодежи, о котором мы говорили выше. Такие явления не повторяются. Процент образованных людей, готовых отдать свои силы на служение рабочему люду, будет меньше. Но теперь уже, поскольку образованная молодежь заражается социализмом, это уже не тот неопределенный, туманный социализм 70-х годов, а научное, ясное, отчетливое учение Маркса и Энгельса, которое все более и более проникает и в рабочую среду.

Массовое движение русской образованной молодежи, благороднейшими представителями которого были юноши, о страданиях которых

говорится в «Слове», было по своему происхождению сходно со студенческим движением Германии 20-х—30-х годов. Теперь Россия находится накануне своего 48-го года. Движение в среде русских образованных классов представляет всего больше аналогий с движением немецкой революционной буржуазии. Будем же надеяться, что и движение в освобожденной России городского и сельского пролетариата по своей сознательности и последовательной непреклонной энергии будет походить на великое социал-демократическое движение в Германии.

В. Засулич.

Женщины в русском рабочем движении.

Дорогой друг,

Вы просите меня написать для майского номера «Равенства» что-нибудь об участии русских работниц в рабочем движении.

Это участие до настоящего времени еще очень слабо. В многочисленных забастовках, которые имели место в последнее время в России, работницы принимали участие то тут, то там. Забастовки даже происходили на таких фабриках, на которых работают исключительно женщины, например, на папиросных фабриках. Но в общем число женщин, принимавших участие в забастовках, было в сравнении с числом рабочих очень незначительно.

Стремление к образованию, которое охватило значительную часть русского рабочего класса, дает себя чувствовать и среди работниц. В воскресных школах для взрослых они учатся с таким же рвением, как и их товарищи мужчины. Но таких школ, вследствие антиобразовательной политики правительства, к сожалению, очень мало, и если число школ невелико для юношей, то оно еще менее значительно для несовершеннолетних девушек. Вследствие этого процент неграмотных среди работниц в два, в три раза больше, чем среди рабочих. Но несмотря на все это, я сильно надеюсь, что наши работницы в ближайшем будущем примут массовое участие в рабочем движении. И моя надежда основана на том, что русские женщины из «интеллигенции» (из образованных классов) принимают большое участие в социал-демократическом движении. В особенности участие принимают студентки, женщины-врачи, учительницы и другие женщины, занимающиеся так-называемыми либеральными профессиями, которые играют большую роль в этом движении. Стремление наших революционно настроенных женщин совсем другого рода, чем феминистское движение в Германии. Движение, которое можно было бы сравнить с буржуазным движением феминисток, Россия уже проделала в шестидесятых годах. Но, начиная с семидесятых годов, женщины, одушевленные более высоким стремлением, борются за права, которыми в России не обладают ни мужчины, ни женщины, и прежде всего за право дей-

ПУБЛ. БИБЛ. ЛЕНИНА СССР

ствовать в соответствии со своими убеждениями. Женщины берут на себя те же революционные обязанности, что и мужчины, и подобно им приобретают качества, без которых было бы невозможно выполнять эти обязанности. И «слабая», по общераспространенному мнению, женщина становится таким образом сильным человеком, как это ясно обнаружилось в борьбе семидесятых годов. В несравненно большем и более значительном движении, которое теперь началось и которое свой рост и значение приобрело именно вследствие пробуждения рабочего класса, участие женщин тоже стало значительно большим. Большое число их находится среди социал-демократической «интеллигенции», которая развивает в рабочем движении очень живую деятельность.

Здесь не место описывать положение сельских учителей и учительниц в России. Достаточно сказать, что оно ужасно как в материальном отношении, так и в смысле полицейских преследований. Достаточно добросовестного исполнения обязанностей со стороны русского сельского учителя, сельской учительницы, чтобы они были зачислены в разряд политически неблагонадежных лиц. Надо поэтому обладать большим мужеством, чтобы при русских порядках взять на себя чисто культурную задачу сельского учителя, и все же в селах имеется больше учительниц, исполняющих эту обязанность из чисто идеалистических побуждений, чем учителей.

Читательницы «Равенства» наверно достаточно осведомлены из газет о последних демонстрациях в России. Также и в этих демонстрациях, где требуется чисто физическая храбрость и неустрашимость перед военной силой, женщины не остались позади мужчин. В ужасной петербургской бойне женщины не только показали себя не слабее мужчин, но в некоторых отношениях даже способнее к самопожертвованию и более полезными. В некоторых присланных нам письмах и корреспонденциях нам описывают то, что происходило в Казанском соборе, куда были принесены раненые и потерпевшие. За тяжело ранеными, говорится в них, ухаживали женщины, которые сами были ранены и едва держались на ногах. Несмотря на то, что они находились в состоянии, требовавшем помощи, они, насколько могли, останавливали кровь и перевязывали раны. Среди арестованных находится по крайней мере столько же, если не больше, женщин, чем мужчин.

Постоянная связь между выше упомянутым кругом интеллигентных женщин и пролетарскими массами должна постепенно уничтожить у духовно и политически пробуждающихся рабочих и работниц господствующий повсюду предрассудок о меньшей ценности женщины. С предрассудком, который делает женщину от натуры глупее, слабее и трусливее мужчины, должен будет пасть также и тот взгляд, что женщина по натуре своей неспособна к общественной деятельности и что вследствие этого на нее должны падать обязанности не общественные, а исключительно одни только хозяйственные. В будущем русское рабочее движение будет поддерживаться также многочисленными работницами и женами рабочих, сознающих, что, кроме обязанностей по отношению к семье, они должны нести обязанности и по отношению к своим товарищам по классу, к обществу, и что эти обязанности побуждают их бороться за свободу печати, собраний, выборов, за защиту рабочих и за победу социалистического порядка. В настоящее время лишь небольшая кучка русских передовых работниц протягивает руку своим сестрам в Германии и в других странах для совместной борьбы. Но неизбежно близится время, когда и в России большая армия пролетарок вместе с пролетариатом всего мира заявит первого мая свою непреклонную волю, направленную к сотрудничеству за освобождение рабочего класса,— освобождение, которое будет делом самого рабочего класса.

Вера Засулич.